

HAL
open science

La lecture d'Ivan Bounine des errances spirituelles de Lev Tolstoï

Anna Lushenkova Foscolo

► **To cite this version:**

Anna Lushenkova Foscolo. La lecture d'Ivan Bounine des errances spirituelles de Lev Tolstoï. Àsnopolânskij sbornik 2012, Musée de Lev Tolstoï à Yasnaïa Poliana, pp.466-474, 2012, 978-5-93322-057-2. hal-00929812

HAL Id: hal-00929812

<https://hal.science/hal-00929812>

Submitted on 25 Jun 2024

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

А. В. Лушенкова

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ «БРОДНИЧЕСТВО» ЛЬВА ТОЛСТОГО В ПРОЧТЕНИИ ИВАНА БУНИНА

На протяжении всей своей жизни Иван Бунин считал Льва Толстого своим наставником¹. Его имя фигурирует в дневниковых записях, письмах и произведениях Бунина. Так, например, в письме от 10 июня 1910 года к своему другу, художнику Петру Нилусу, Бунин называет роман Толстого «Воскресение» одной из «самых драгоценных книг на земле»². Пять месяцев спустя, узнав о смерти писателя, Бунин пишет тому же адресату: «Толстой потряс меня, как, кажется, ничего в жизни не потрясало»³. Позже, в марте 1919 года, Бунин говорит с Алдановым о «неразгаданности»⁴ Толстого.

Наконец в 1937 году он публикует произведение, полностью посвященное своему «учителю», — «Освобождение Толстого», в котором освещает жизненный и художественный путь писателя с позиций его философских и религиозных взглядов. Бунин полагает, что этот регистр идей Толстого не получал до этого заслуженного внимания. В его глазах Толстой — прежде всего мыслитель. В «Освобождении Толстого» автор излагает свое видение философии Толстого, опираясь на цитаты из его произведений и личных записей. Бунин особо чувствителен к идеям, которые глубоко волновали и его самого: неизбежность смерти и отношение художника к этому постулату, соотношение физического чувствования окружающего мира и стремления открыть скрытую внутреннюю наполненность физических ощущений, роль страданий и болезней в постижении смысла жизни и смерти. Автор переплетает трактовку толстовского наследия с изложением собственных мыслей об особенностях духовного становления любой выдающейся личности. Бунинская концепция творческого пути гения сложна и включает в себя свободно интерпретированные постулаты буддизма, учений Платона, Шопенгауэра, Шестова, Лейбница.

Особый интерес проявляет Бунин к осмыслению причин бегства Толстого из Ясной Поляны перед смертью. Следует отметить, что размышления о «бродничестве» и бездомности, об их влиянии на развитие яркой творческой личности являются, наряду с темой смерти и любовных отношений, одной из центральных тем, интересующих Бунина. Герой романа «Жизнь Арсеньева» сравнивает себя с казаками-«бродниками», «от слова бродить»⁵, и проходит через долгую череду скитаний. Не случайно одна из его самых любимых книг — «Одиссея» Гомера. Дороги, вокзалы, поезда непреодолимо влекут Арсеньева. Так, например, он замечает по поводу вагонной обивки: «Я даже этого тика не могу видеть спокойно, тянет ехать»⁶. Он оправдывает свою склонность к скитаниям этическими и религиозными соображениями: «Это даже в Писании сказано: “Иди, юноша, в молодости твоей, куда ведет тебя сердце твое и куда глядят глаза твои!”»⁷

В «Освобождении Толстого» моральное наполнение идеи «бродничества» получает дальнейшее развитие:

«Христос тоже звал “с родины на чужбину”: “Враги человеку домашние его... Кто не оставит ради меня отца и матери, тот не идет за мной”.

Их немало было, “благородных юношей, покинувших родину ради чужбины”: был царевич Готами, был Алексей Божий человек, был Юлиан Милостивый, был Франциск из Ассизи... К лику их сопричислился и старец Лев из Ясной Поляны»⁸.

Говоря о бегстве писателя из семейного гнезда за несколько дней до своей смерти, Бунин цитирует Толстого, согласно которому брак губителен для человека: «Брак — погибель. Шел человек до поры, до времени один, свободно, легко, потом взял и связал свою ногу с ногой бабы»⁹.

Таким образом, особое внимание Бунина привлекают два аспекта. Во-первых, «освобождение» от власти материальной жизни, к которому стремится Толстой, связывается в его понимании со скитальческим образом жизни. Во-вторых: семейные отношения могут быть губительны для художника, так как усложняют возможность достижения этой цели.

Эти философские воззрения находят отражение и в художественных произведениях Бунина. Так, не желает узаконенных матримониальных отношений Арсеньев, оправдывая это своей «кочевой страстью»¹⁰ и творческим складом своей природы. Сначала он предупреждает

Лику: «Вот, верно, и я бродник. “Одному Бог дает палаты, другому мосты да гати”»¹¹. Затем, когда заходит разговор о венчании, он продолжает шуточно отклоняться от серьезного разговора о браке: «Бессмертные творят, смертные производят себе подобных»¹².

Склонность к «бродничеству» часто встречается и у героев Толстого. Проявление этой особенности в той или иной форме у целого ряда его персонажей (Оленина, отца Сергея, графа Турбина, «патологического» беглеца Феди Протасова и многих других), а также склонность самого писателя к «блужданиям» и его мечта стать юродивым подробно освещаются в биографии писателя, принадлежащей перу Павла Басинского¹³. Стремление к бегству в произведениях Толстого выступает как своего рода удел человеческий. К его героям применимо замечание повествовательницы одного из рассказов Татьяны Толстой, сформулированное относительно «бесконечного» бегства целого ряда героев мировой литературы — от Одиссея до доктора Айболита: «Все бегут, бегут — прочь от себя или на поиски себя самого»¹⁴.

Бунин же, в свою очередь, полагает, что это стремление особо ярко проявляется именно у натур великих и творческих. В его произведениях Арсеньев — далеко не единственный художник-«бродник». Повествователь путевой поэмы «Тень птицы» (1908) описывает ощущения легкости, счастья и свободы, которые пробуждаются в нем по мере того, как он удаляется от родины и освобождается от привязанности к определенной точке земного шара. В первоначальном варианте, развивая свою мысль, он благословляет подобные моменты, в которые люди чувствуют себя «гражданами вселенной»¹⁵, не замыкаясь на своей национальной принадлежности и связанной с ней культуре.

В этой связи особое значение приобретает утверждение, что «для Толстого не осталось в годы его высшей мудрости не только ни града, ни отечества, но даже мира»¹⁶. Эта особенность определяет и особый талант перевоплощения, свойственный ему как художнику. Бунин отмечает: «Некоторый род людей обладает способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие»¹⁷. Подобный дар связан с особым рода памятью, которой Бунин дает определение «чувственная»¹⁸. По причине своего ассоциативного характера, образности и рефлексивности проявлений этот тип памяти близок «непроизвольной»¹⁹ памяти Марселя Пруста.

Более того, преклонение перед гением Толстого объединяет Бунин и Пруста. Автор «Войны и мира» входит в то малое число русских писателей, творчество которых было знакомо Прусту: в конце XX века Толстой был, наряду с Достоевским, одним из немногих русских писателей, произведения которых активно переводились и издавались во Франции. Так, в 1888 году не только были опубликованы переводы «Войны и мира» и «Анны Карениной», но и была поставлена пьеса «Власть тьмы» в парижском театре *Théâtre-Libre*. Имя Толстого неоднократно упоминается в письмах Пруста и его статьях, а также в романном цикле «В поисках утраченного времени». В частности, Пруст утверждает превосходство Толстого над Бальзаком, подчеркивая: «В Толстом все гораздо величественнее по самой природе своей»²⁰. Это утверждение перекликается с дневниковой записью Бунина от 17 марта 1916 года: «Один Толстой должен быть учителем во всем»²¹.

Пруста, как и Толстого, Бунин считал человеком «обреченным» и вследствие этого «много знающим и чувствующим!»²²: «Вся жизнь таких людей идет в соответствии с их обреченностью: все “дела и труды” их, все богатства и вся слава их — “суета сует”»²³. Главная причина их «обреченности» кроется в болезненности. С этой точки зрения астма играла столь же важную роль для творческого пути Пруста, как и для становления Толстого — слабое здоровье, а также унаследованная от предков и максимально проявившаяся в нем «ненормальность». В этом смысле «обреченным» человеком был и Магомет с его «падучей болезнью», в припадках которой «ангелы в молниях открывали ему “тайны и бездны неземные” и “в мановение ока” (то есть вне всяких законов времени и пространства) переносили из Медины в Иерусалим — на Камень Мориа, “непрестанно размахивающийся между небом и землей”, как бы смешивающий землю с небом, преходящее с вечным»²⁴.

Томас Манн, мнение которого уважал Бунин, считал болезнь лучшим способом самопознания²⁵. К тому же, согласно Бунину, предрасположенность к рефлексии сама по себе является отличительной чертой творческой натуры. Поэты и художники отмечены роковой склонностью к «умствованию»²⁶, то есть к стремлению взглянуть на себя со стороны, размышлять о своей собственной мысли, «понимать собственное непонимание»²⁷. Об этом говорит повествователь произведения «Ночь»: «За что же отметил меня Бог роковым знаком удивления, думанья, “умствования” так сугубо»²⁸. Толстой замечает схожую черту

в себе. Это притягивает внимание Бунина, который цитирует высказывание Толстого: «Склонность моя к отвлеченным размышлениям до такой степени неестественно развила во мне сознание, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадал в безвыходный круг анализа своих мыслей... Спрашивая себя: о чем я думаю? я отвечал: я думаю, о чем я думаю. А теперь о чем я думаю? Я думаю, что я думаю, о чем я думаю... Ум за разум заходил...»²⁹

Помимо склонности к рефлексии, «обреченность» гения проявляется и в способности чувствовать с особой остротой «всякую плоть мира» и его «тленность»³⁰. Бунин выводит из этого один из важнейших законов для своего собственного творчества: «Степень чувства жизни пропорциональна степени чувства смерти»³¹. Так, например, повествователь «Жизни Арсеньева» отмечает, что натуры творческие «с младенчества имеют обостренное чувство смерти (чаще всего в силу столь же обостренного чувства жизни)»³².

Толстой является для него ярчайшим примером такого типа личности. Бунин применяет к его жизненному пути древнюю индусскую мудрость, согласно которой человек должен пройти два пути в жизни, «Путь Выступления» и «Путь Возврата»: «Все подобные им сперва с великой жадностью приемлют мир, затем с великой страстностью клянут его соблазны»³³. В этой связи вновь возникают параллели с Прустом, который, как и Толстой, становится в определенный момент своей жизни «бывшим светским львом»³⁴: сполна познав удовольствия высшего общества, он совершает уход, выбирая жизнь в уединении и разоблачая в своем творчестве брэнность светских соблазнов.

Освобождение художника совершается благодаря разочарованиям, которые сопровождают познание мира через его осязаемые проявления. Эти разочарования помогают «изжить свою материальность»³⁵ и освобождают дух от одурманивающего подчинения «материальному одеянию»³⁶.

Для Толстого жена и дети входят в число материальных составляющих жизни, наряду с хозяйством, богатством и здоровьем, в то время как «благо свойственно только духовному началу и состоит не в чем ином, как все в большем и большем освобождении от тела, обреченного на зло, единственно препятствующего достижению блага духовного начала...»³⁷ Таким образом, уход из семьи — необходимое условие, чтобы «изжить свою материальность».

Бунина всегда интриговало бушевавшее Толстого в молодости желание вложить себя в хозяйство, создать семью. В его память врезаются слова «учителя», сказанные при личной встрече: «С женщиной можно жить только как с женой и не оставлять ее никогда...»³⁸ Подобная «безвозвратность брака» в глазах Толстого делает этот шаг столь значимым, что П. Басинский ставит женитьбу на Софье Берс в ряд крупнейших событий в биографии писателя и считает ее сопоставимой по значимости лишь с духовным переворотом конца 70-х — начала 80-х годов и уходом из Ясной Поляны³⁹.

Повествователь «Жизни Арсеньева» поражается: «Как это ужасно, что даже сам Толстой в молодости мечтал больше всего о женитьбе, о семье, о хозяйстве!»⁴⁰ Однако если следовать логике, развиваемой Буниным, это было необходимо: создание большой семьи предопределило значительную часть «Пути Выступления» Толстого, так как позволило ему познать разочарования и страдания. Отношения между мужчиной и женщиной, и особенно между мужем и женой, дали ему пищу для размышлений, выразившихся и в его личных записях, и в художественных творениях.

Ревность являлась в понимании Толстого проявлением части личного «Я»⁴¹, которая ограничена земным существованием и пределы которой необходимо преодолеть. В то же время в его понимании ревность неизбежна в любовных отношениях, что позволяет сравнить его поэтику плотской любви с идеями Марселя Пруста. По свидетельству А. Бахраха, Иван Бунин полагал, что таких страниц о ревности, которые написал Пруст, не смог бы написать никто более, за исключением Толстого⁴². Бунин определяет силу ревности, свойственной самому Толстому, как «зоологическую»⁴³. Сила ревности — одно из ярчайших проявлений подспудного желания защитить свою «самость»⁴⁴, свое земное «Я». В то же время, по Бунину, стремление потерять ощущение своей «особенности»⁴⁵ — основная толстовская черта. Бегство из семейного лона, обстановка в котором была предельно накалена ревностью и взаимонепониманием, становится необходимым этапом для приготовления своего личного «Я» к слиянию с «Единым Я»⁴⁶.

Павел Басинский подвергает сомнению теорию, согласно которой Толстой ушел, чтобы подготовиться к смерти⁴⁷. Он акцентирует внимание на сложных семейных отношениях писателя, которые вынудили его покинуть дом. Однако выводы, к которым он приходит, анализируя семейные архивы Толстых, близки идеям, выраженным

в «Освобождении Толстого». Так, биограф подчеркивает, что единственным требованием Толстого к внешним условиям существования была их предельная аскетичность — дабы они «не терзали его совесть и не отвлекали его внимания от мыслей о Боге, о скорейшем воссоединении с ним»⁴⁸. Он видит в поступке Толстого нежелание «идти на компромиссы с внешними требованиями жизни» в деле служения «исключительно внутреннему “я”», особенно ввиду того, что в скором времени он должен был предстать «перед Богом»⁴⁹. Таким образом, несколько иначе расставляя акценты, Басинский, как и Бунин, говорит о необходимости уединения в целях подготовки «внутреннего “Льва Толстого” <...> к воссоединению с Богом»⁵⁰.

Эти заключения во многом созвучны концепции Бунина. Термин «освобождение», которым он оперирует, выноса его в заголовок своей книги, также включает в себя «уход, возврат к Богу, растворение — снова растворение — в Нем»⁵¹.

Размышляя об этом стремлении, Бунин выводит категорию «Всебытия»⁵² — формы существования, при которой восприятие освобождается от привычных категорий пространства и времени и открывается сущность жизни и тайные основы бытия. «Всебытие» по своим характеристикам противостоит «всему»⁵³ повседневной реальности, где властвуют законы пространства и времени, а также социума.

Трагедия гения в том, что параллельно с чувством укорененности во «Всебытии» в нем живет ощущение оторванности от «общего мира»⁵⁴ повседневности с его расхожими истинами, основанными на принципах прагматизма. Привязанность к интересам преходящего существования ослабевает по мере осознания их тленности. Когда связь с «общим миром» прерывается, когда не остается для Толстого не только «ни града, ни отечества, но даже мира», его уход становится необходимым этапом для подготовки к переходу в то единственное «отечество», «откуда мы пришли»⁵⁵.

¹ О роли Толстого в жизни Бунина см.: Б а б о р е к о А. Бунин о Толстом // *Ясн. сб.*: 1960. Тула, 1960. С. 129–146; С п и в а к Р. И. А. Бунин и Л. Н. Толстой: Наблюдения над соотношением художественных стилей. М., 1967; Л и н к о в В. Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М., 1989; П о н о м а р е в Е. И. А. Бунин и Л. Н. Толстой: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000; П а ш к о в а Е. Компаративные единицы

в когнитивном аспекте в произведениях Л. Н. Толстого и И. А. Бунина: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.

² Устами Буниных: Дневники: В 3 т. / Под ред. М. Грин. М., 2004–2005. Т. 1. С. 78.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же. С. 182.

⁵ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 6. С. 261.

⁶ Там же. С. 248.

⁷ Там же. С. 203.

⁸ Бунин И. А. Указ. собр. соч. Т. 9. С. 8.

⁹ Там же. С. 67.

¹⁰ Там же. Т. 6. С. 181.

¹¹ Там же. С. 261.

¹² Там же. С. 268.

¹³ Басинский П. В. Лев Толстой: Бегство из рая. М., 2011. С. 88, 239, 329.

¹⁴ Толстая Т. Н. Лимпопо // Не кысь. М., 2010. С. 91.

¹⁵ Бунин И. А. Указ. собр. соч. Т. 3. С. 428.

¹⁶ Там же. Т. 9. С. 7–8.

¹⁷ Там же. С. 47.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Пер. А. Лушеноквой. В оригинале: «une mémoire involontaire» (in: Proust M. Le Temps retrouvé // À la recherche du temps perdu: En IV v. Paris, Gallimard, «Bibliothèque de la Pléiade», 1988. Vol. IV P. 277); в пер. А. Смирновой: «бессознательная память» (Пруст М. В поисках утраченного времени: В 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 928).

²⁰ Пер. А. Лушеноквой. В оригинале: «Chez Tolstoï tout est naturellement plus grand» (in: Proust M. Tolstoï // Contre Sainte-Beuve, précédé de Pastiches et Mélanges et suivi de Essais et articles. Paris, Gallimard, «Bibliothèque de la Pléiade», 1971. P. 657).

²¹ Устами Буниных. Т. 1. С. 126.

²² Бахрах А. В. Бунин в халате: По памяти, по записям. М., 2006. С. 113.

²³ Бунин И. А. Указ. собр. соч. Т. 9. С. 37.

²⁴ Там же. С. 48.

²⁵ См.: Манин Т. Freud et l'avenir; conférence faite à Vienne le 8 mai 1936 pour célébrer le 80e anniversaire de la naissance de Sigmund Freud // Noblesse de l'esprit; Essais (trad. de l'allemand par Fernand Delmas). Paris, 1960. P. 191.

- ²⁶ Бунин И. А. Указ. собр. соч. Т. 9. С. 119.
- ²⁷ Бунин И. А. Указ. собр. соч. Т. 5. С. 298.
- ²⁸ Там же. С. 299.
- ²⁹ Бунин И. А. Указ. собр. соч. Т. 9. С. 141.
- ³⁰ Там же. С. 110.
- ³¹ Там же. С. 157. Сравнительный анализ поэтики смерти у Толстого и Бунина см.: Сливницкая О. В. Повышенное чувство жизни: Мир Ивана Бунина. М, 2004. С. 92–112.
- ³² Бунин И. А. Указ. собр. соч. Т. 6. С. 26.
- ³³ Бунин И. А. Там же. Т. 9. С. 18, 48.
- ³⁴ Там же. С. 83.
- ³⁵ Там же. С. 111.
- ³⁶ Там же. С. 33.
- ³⁷ Там же. С. 107.
- ³⁸ Там же. С. 57.
- ³⁹ Басинский П. В. Указ. соч. С. 187.
- ⁴⁰ Бунин И. А. Указ. собр. соч. Т. 6. С. 159.
- ⁴¹ Бунин И. А. Там же. Т. 9. С. 19.
- ⁴² Бахрах А. В. Указ. соч. С. 113.
- ⁴³ Бунин И. А. Указ. собр. соч. Т. 9. С. 32.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 19.
- ⁴⁷ Басинский П. В. Указ. соч. С. 25, 30.
- ⁴⁸ Там же. С. 332.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. С. 333.
- ⁵¹ Бунин И. А. Указ. собр. соч. Т. 9. С. 8.
- ⁵² Бунин И. А. Там же. Т. 5. С. 428.
- ⁵³ Шестов Л. И. Откровения смерти // Собр. соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 39.
- ⁵⁴ Там же. С. 100.
- ⁵⁵ Там же. С. 148.